

УДК 343.2

Прохоров Леонид Александрович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
заведующий кафедрой административного права и
правоохранительной деятельности КСЭИ
hooligang@mail.ru

Прохорова Марина Леонидовна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права КСЭИ
hooligang@mail.ru

Leonid A. Prokhorov

doctor of legal Sciences, Professor,
Professor of the criminal law and criminology department
of the Kuban state University (KubSU),
the head of the Department of administrative law
and law enforcement, Kuban socio-economic Institute
hooligang@mail.ru

Marina L. Prokhorova

doctor of legal Sciences, Professor,
Professor of the criminal law and criminology department
of the Kuban state University (KubSU),
the head of the Department of criminal and
criminal-executive law, Kuban socio-economic Institute
hooligang@mail.ru

**Общественная опасность – абсолютно объективный или
«композиционный» (объективно-субъективный)
признак преступления?**

**The public danger is absolutely objective or is the composite
(objective-subjective) sign of a crime?**

Аннотация. В статье рассматривается содержание такого признака преступления, как общественная опасность. Авторы задаются вопросом, является ли он сугубо объективным, или же содержит субъективные компоненты. Проанализировав соответствующие законодательные положения, мнения представителей уголовно-правовой доктрины, позицию Верховного Суда РФ, они приходят к выводу о «композиционном» – объективно-субъективном – содержании названной категории.

Ключевые слова: преступление, признак преступления, общественная опасность, характер общественной опасности, степень общественной опасности, объективное содержание, субъективный компонент.

Annotation. *The article deals with the content of such a sign of crime as a public danger. The authors ask themselves whether it is purely objective, or whether it contains subjective components. Analyzing the relevant legislative provisions, the opinions of the representatives of the criminal legal doctrine, the position of the Supreme Court of the Russian Federation, they come to the conclusion about the «compositional» – objective-subjective – content of the named category.*

Keywords: *crime, sign of crime, social danger, nature of public danger, degree of public danger, objective content, subjective component.*

В последнее время в специальной литературе развернулись острые дискуссии по вопросу возвращения в отечественное уголовное законодательство норм с административной преюдицией. На страницах юридической печати появились публикации с жесткой критикой этого правового явления (Н.Г. Иванов, А.Г. Кибальник, А.И. Коробеев, Н.А. Лопашенко, Д.В. Шемякин и др.).

Как известно, подобный прием юридической техники достаточно активно использовался законодателем в период действия УК РСФСР 1960 г. Однако справедливости ради стоит заметить, что и в то время соответствующий подход воспринимался не всеми представителями уголовно-правовой доктрины позитивно [1].

Отказ от норм с административной преюдицией в УК РФ 1996 г., казалось бы, ознаменовал «победу» ее противников. Однако законодатель, пересмотрев свою позицию, вновь вернулся к формированию уголовно-правовых норм с административной преюдицией, вызвав, как отмечалось ранее, бурю негодования со стороны определенной части научной общественности. Разгоревшиеся дискуссии поставили вновь на повестку дня вопрос о содержании признака «общественная опасность», свойственного преступному посягательству.

Известным основным аргументом, которым оперируют противники использования административной преюдиции в уголовном законодательстве, является утверждение в том, что общественная опасность административного проступка от его повторения не увеличивается, она не может достигать уровня, необходимого для признания его преступным. В русле этих рассуждений Н.Ф. Кузнецова писала, что между преступлениями и административными проступками существует не количественное, а качественное различие. Соответственно, количество проступков не может перерасти в качество преступления [2].

Таким образом, по мнению оппонентов законодателя в части использования административной преюдиции, «суммарный» подход к определению уровня общественной опасности содеянного (проступок + проступок) недопустим, ибо это противоречит объективной природе такого основополагающего критерия преступления, как общественная опасность.

Да, действительно, подобное утверждение можно признать вполне справедливым, если относиться к категории «общественная опасность» как к исключительно объективному показателю – как к способности деяния причинять существенный вред объектам уголовно-правовой охраны. Но при этом игнорировать субъективный фактор, а именно опасность для общества самого деятеля – субъекта правонарушения, не рассматривая его в качестве составной части содержания общественной опасности.

Вместе с тем, безоговорочно согласиться с таким подходом вряд ли возможно. Обратимся к закону. Статья 14 УК РФ определяет преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой наказания. Совершенно очевидно, что законодатель не отделяет категорически деяние от лица, его совершившего (деятеля).

В теории уголовного права содержание категории «общественная опасность» определялась по-разному в зависимости от политической и правовой системы. Отмеченные подходы к пониманию общественной опасности как абсолютно объективной категории в целом, по нашему мнению, возвращают теорию уголовного права исключительно на позиции классической школы.

В то же время, получившие признание идеи представителей социологической школы уголовного права можно считать предпосылкой включения субъективной составляющей в содержание понятия общественной опасности. Они нашли широкое отражение не только в зарубежном, но и в отечественном праве. Широкое распространение в системе российского уголовного законодательства получили институты условного осуждения, условно-досрочного освобождения, а также помещения в специальные учреждения несовершеннолетних правонарушителей и лиц, страдающих психическими заболеваниями. УК РФ содержит ряд норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности с учетом личности виновного (ст. ст. 75, 76, 76¹, 76² УК РФ).

В юридической литературе представлены разные подходы к определению объема понятия степени общественной опасности преступления. Авторы решают, складывается ли она из признаков, указанных в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы, или же и из иных признаков, находящихся за пределами состава преступления [3]. Но, как бы то ни было, при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что практически все они в понятие общественной опасности включают субъективные компоненты.

Так, А.Д. Соловьёв полагал, что степень общественной опасности преступления определяется различными факторами, относящимися и к признакам состава преступного деяния, и находящимися за его пределами. К последним относятся смягчающие и отягчающие уголовное наказание обстоятельства, распространённость преступлений данного вида и т.д. [4]. Вместе с тем известно, что названные категории нередко выступают отражением именно субъективного начала (свойства виновного, определенная мотивация и пр.).

С.В. Бородин ограничивал объём понятия степени общественной опасности преступления признаками объекта, а также некоторыми признаками

субъекта и субъективной стороны состава преступного посягательства [5]. Таким образом, некоторая субъективная окраска категории «общественная опасность» им не исключалась.

Определяя характер общественной опасности преступления, исследователи нередко в круг ее критериев включают форму вины, иные считают последнюю, наряду с мотивом и целью, показателями степени общественной опасности посягательства [6].

Судебная практика четко придерживается позиции наличия у категории «общественная опасность» некоторой субъективной окраски. Это просматривается в ряде постановлений высшей судебной инстанции.

Так, в постановлении от 11 июля 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» Пленум Верховного Суда РФ отмечал, что «при учете характера и степени общественной опасности преступления надлежит исходить из того, что характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (ст. 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого (при совершении преступления в соучастии)» [7].

Созвучное положение содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 29.11.2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [8]. В п. 1 названного документа определено: «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)».

Согласуется с нашими представлениями о содержании общественной опасности мнение А.В. Иванчина. Говоря об общественной опасности акта человеческого поведения как основании криминализации, он отмечает, что она складывается из общественной опасности деяния и общественной опасности личности его субъекта [9]. Определяя критерии уровня общественной опасности деяния, автор включает в их систему не только причиненный вред, но и все присущие деянию признаки – характер самого действия (бездействия), вред, форму вины, цель, мотив, признаки субъекта и пр. [10].

Таким образом, субъективное начало, в том числе содержание личностных свойств субъекта преступления, вплетается в понятие общественной опасности совершаемого им деяния. Следовательно, рассматриваемую категорию надлежит оценивать не как исключительно объективное явление, а конгломерат объективного и субъективного начал, но все-таки с преобладанием первого.

Соответственно, увеличение уровня общественной опасности со стороны субъективной составляющей неизбежно влечет его повышение в целом. Поэтому применительно к отдельным деяниям необходимо признать справедливость использования законодателем административной преюдиции, исходя из «композиционного» (объективно-субъективного) содержания признака общественной опасности.

Литература:

1. См., напр.: Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 3-14.

2. См.: Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы международной научной конференции (г. Москва, 31 мая – 1 июня 2001 г.). М., 2002. С. 9.

3. См.: Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989.

4. См.: Соловьёв А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. Законодательство и судебная практика. М., 1958. С. 88. См. также: Курс советского уголовного права. Т. 2. Л., 1970. С. 327.

5. См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1966. С. 302.

6. См., напр.: Полный курс уголовного права: в 5 т. Том I: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 267; Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 114.

7. См.: О практике назначения судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 40 от 11 июня 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. №5 (утратило силу).

8. См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 29.11.2016 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/.

9. См.: Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 51.

10. См.: Там же. С. 52.

Literature:

1. See, e.g.: Kovalyov M.I. Crime and offense//Problems of improvement of the legislation on strengthening of law and order and strengthening of fight against offenses: interuniversity collection of scientific works. Sverdlovsk, 1982. Page 3-14.

2. See: Kuznetsova N.F. The main tendencies of development of the Russian criminal legislation//Criminal law in the 21st century: materials of the interna-

tional scientific conference (Moscow, on May 31 – on June 1, 2001). M, 2002. Page 9.

3. See: Lyapunov Yu.I. *Public danger of act as universal category of the Soviet criminal law. M, 1989.*

4. See: Solovyyov A.D. *Questions of application of punishment on the Soviet criminal law. Legislation and jurisprudence. M, 1958. Page 88. See also: Course of the Soviet criminal law. T. 2. L., 1970. Page 327.*

5. See: *Criminal law. General part. M, 1966. Page 302.*

6. See, e.g.: *Full course of criminal law: in 5 t. Volume I: Crime and punishment / under the editorship of A.I. Korobeev. SPb., 2008. Page 267; Russian criminal law. The general part / under the editorship of V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. M, 2014. Page 114.*

7. See: *About practice of appointment of criminal penalty as vessels: the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 40 of June 11, 1999//the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. (has become invalid) for No. 5.*

8. See: *About practice of appointment of criminal penalty as courts of the Russian Federation: the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 12/22/2015 of No. 58 (an edition from 11/29/2016)//URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/.*

9. See: *Ivanchin A. About advantage of reasonable use of an administrative preclusion in criminal law (in connection with the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017 No. 2-P)//Criminal law. 2017. No. 4. Page 51.*

10. See: *In the same place. Page 52.*